

Валерий ГУСЕВ

Пиратский детектив

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Каникулы в бухте пиратов

«ЭКСМО»

Гусев В. Б.

Каникулы в бухте пиратов / В. Б. Гусев — «Эксмо», — (Дети Шерлока Холмса)

Каникулы продолжаются! И на целый месяц братья Димка и Алешка отправляются в Черное ущелье на берегу моря. Здесь они живут у... настоящего Снежного человека, купаются в море и ловят морскую рыбу. Но как-то вдруг стало беспокойно и тревожно вокруг. То в сумерках беззвучно подойдет и исчезнет катер без огней, то вдруг в ночи послышатся чьи-то тихие таинственные голоса. А однажды, прямо как в местной легенде о черных монахах, собирающих черепа, среди скал забрезжил неясный огонек свечи. Похоже, кто-то очень хитрый и коварный творит здесь свои темные дела, уверенный, что никто и никогда не разгадает его тайны. «Разберемся», – решают братья, не привыкшие пасовать перед трудностями... Ранее повесть выходила под названием «Осторожно: снежный человек!»

Содержание

Глава I	5
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	22
Глава V	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Гусев

Каникулы в бухте пиратов

Глава I

ДИКИЙ ЧЕЛОВЕК С АРБАЛЕТОМ

– Вот что, друзья мои, – сказал нам папа. – До начала вашей любимой учебы еще целый месяц...

– Можно было бы и не напоминать, – проворчал Алешка.

– Соскучился по школе? – обрадовалась мама.

– Ага, – безмятежно признался Алешка. – Больше всего на свете люблю двойки получать. Мама фыркнула.

– А что? – удивился ее непонятливости Алешка. – Как схватишь потом хоть одну трешку, все тебя хвалят изо всех сил. Иногда даже чего-нибудь подарят. А вот таскал бы я одни пятерки, вы бы к ним привыкли, и никакой мне от них пользы.

– Философ, – мама покачала головой.

– Лентяй, – отрубил папа. – И вымогатель. Вы мне дадите сказать?

– Ну? – мы приготовились слушать.

– Вот я и говорю. До начала учебы еще целый месяц...

– Можно было бы... – заворчал Алешка, но папа шлепнул ладонью по столу, и Алешка, хихикнув, замолк.

– Так вот... – опять начал папа.

А Лешка продолжил:

– До начала учебного года...

– Еще целый месяц, – добавил я.

Мама засмеялась, а папа нахмурился:

– Мать, где твое любимое летнее платье?

– А тебе зачем? – удивилась мама. – Оно тебе будет мало.

– Платье оставь себе, – грозно сказал папа, – а вот прекрасный узенький кожаный ремешок от него принеси сюда.

– Ладно, – сообразили мы с Алешкой, – молчим, как рыбы на сковородке.

И папа начал быстро говорить о том, что у него сейчас много работы, что у мамы уже кончился отпуск, и поэтому он (папа) хочет спровадить нас (меня и Алешку) на Черное море.

– Там, среди мрачных скал, есть маленький домик, где живет большой дикий горный человек по имени Арчил.

– Снежный? – спросил с восторгом Алешка. – С ядовитыми зубами?

– Да, – признался папа. – Крутой мужик. Он никому не позволяет перебивать старших. В общем – море, фрукты, снежный человек, парусная лодка. И таинственное...

– Что? – мы наострили уши.

– На месте разберетесь, – безжалостно отрезал нас папа. – У вас получится.

Получилось... Такое получилось!..

Родители проводили нас на вокзал, усадили в купе и попросили наших попутчиков приглядеть за нами в дороге. Но попутчики были такие молодые и легкомысленные, что за ними самими впору было присматривать. К тому же они были похожи друг на друга, как братья. Одного возраста, одетые в одинаково скромную, неброскую одежду, и даже звали их почти

одинаково – Вадик и Владик. Только у Вадика были голубые глаза и светлые волосы, а у Владика – и то, и другое было черное. И еще смеялись они по-разному: Вадик весело и залихватисто, а Владик – гулким басом. Когда он хохотал, казалось, будто за стеной купе роняют что-то тяжелое.

Попутчики пообещали нашим родителям, что не спустят с нас своих разных глаз и что ничего с нами не случится.

– Да я не за них беспокоюсь, – признался папа, – а за вас.

– И за весь состав в целом, – поспешила добавить мама.

– Справимся, товарищ полковник, не беспокойтесь.

– Какой я вам полковник? – недовольно буркнул папа и вышел из вагона. А мама за ним.

Родители постояли на платформе, с облегчением помахали нам, когда поезд тронулся, и остались в Москве, в скучном одиночестве. А мы, постепенно набирая скорость, все быстрее постукивая колесами и все веселее посвистывая гудком (это я уже про поезд), помчались к новым приключениям.

Попутчики нам не мешали. Они всю дорогу решали какую-то проблему, которая ждала их впереди. И все время спорили.

– А я говорю, – горячился Вадик, – что у них есть база. Они сгружают там товар и выжидают. А как только утихнут ОРМ, другим транспортом доставляют товар в торговые точки. Скажи – нет?

– Скажу, – басил Владик, прихлебывая из банки пиво. – Они в объезд идут, тайной дорогой.

– Какие там дороги? – возмутился Вадик. – Там сплошные крутые горы!

– А они – морем! – возражал Владик. – Погрузили на катер – и вдоль берега.

Так они спорили всю дорогу, но мы не прислушивались. Мы даже на эти самые ОРМ не обратили внимания. Хотя вполне могли бы. От папы мы знали, что ОРМ – это оперативно-розыскные мероприятия. Когда совершается какое-нибудь серьезное преступление, то милиция сразу же разрабатывает и осуществляет ОРМ. Чтобы поскорее разыскать преступников. Но мы, конечно, разговоры Вадика и Владика пропустили мимо ушей. Нам они были неинтересны. Нам было интересно смотреть в окно и ходить в другие купе, знакомиться с новыми людьми, пробовать разные угощения. И, конечно, мы и предположить не могли, что предмет спора наших попутчиков очень скоро станет и нашей проблемой. Да еще какой! И чего мы только не натворим, чтобы ее решить...

Но мы этого еще не знали и спокойно ехали, пока не подъехали к своей станции. К маленькому солнечному городку с веселым названием Майский.

Здание вокзала было крохотное, похожее на сказочный белый домик под красной черепичной крышей. А вокруг него стояли высокие деревья с узкими кронами, которые начинались почти от земли – пирамидальные тополя, как мы потом узнали. Со стороны вокзал был похож на белый гриб с красной шляпкой среди высокой зеленой травы.

Вадик и Владик спустились с нами на платформу и поставили рядом с нами наш чемодан, где были плавки, запасные шорты и маски с ластами. Тут же к нам подошел молодой милиционер в форме и с погонами капитана на широких плечах.

– Оболенские? – строго спросил он.

Мы испуганно кивнули. Вроде ничего дурного мы по дороге не натворили, так почему вдруг?..

– Вы задержаны, – заявил капитан, подхватил наш чемодан и повел нас к машине.

Попутчики – они ехали немного дальше – с сочувствием посмотрели нам вслед. А вернувшись в купе, наверное, стали проверять свои кошельки, карманы и сумки.

Дорога к маленькому дому в мрачных скалах нам очень понравилась. Справа – крутой стеной поднималась бесконечная гора, поросшая всякой флорой, слева – бездонная крутая пропасть, и за ней – бескрайнее море под синим небом. А где-то между ними мчимся мы в милицейском «уазике».

Молодой милиционер-капитан на дорогу почти не смотрел – вертел баранку и, обернувшись к нам, все расспрашивал:

- Как там у вас, в центре, криминогенная обстановка?
- Нормально, – отвечал Алешка. – На уровне мировых стандартов.
- С устойчивой тенденцией к повышению, – добавлял я.

Окна в машине были опущены, в салоне свистел прекрасный морской ветер. Два раза мы чуть не врезались в правую гору, три раза чуть не сорвались в левую пропасть. А один раз едва не столкнулись с грузовиком, водитель которого в большой кепке тоже не смотрел на дорогу, а вовсю, с южным темпераментом, беседовал с пассажиром.

Класс! Та еще фишка!

Наш капитан, несмотря на сложную дорожную ситуацию, успевал смотреть по сторонам и все время давал нам пояснения. Как экскурсовод в музее.

– Посмотрите направо. Видите? Это итальянская сосна. У нее шишки величиной с хороший арбуз.

– Знаю, – небрежно отвечал Алешка. – Про Буратино читали. Карабас такой шишкой подавился.

– А вот этого не знаешь! Посмотрите налево! – И капитан, бросив баранку, обеими руками показал на большое раскидистое дерево, похожее на дуб.

– Дерево! – уверенно сказал Алешка.

– А вот и нет! – восторжествовал капитан. – Это грецкий орех! Самый настоящий.

– А что, орех – не дерево? – хихикнул Алешка. – Пошли посмотрим.

Капитан так резко затормозил, что машина остановилась поперек дороги – носом в скалу, задом к морю.

Мы выбрались на дорогу и, задрвав головы, залюбовались красавцем орехом. Он весь в потрескавшейся коре, с громадными листьями, высотой с наш дом в Москве. А ствол у него как хорошая башня.

– А где орехи? – спросил Алешка.

– Еще не вызрели, – объяснил капитан. – Потерпи.

– Ага, – сказал Алешка. – Потерплю. Я только проверю. – И не успел капитан глазом моргнуть, как Алешка проворной обезьянкой вскарабкался на дерево и исчез в его густой листве.

– Он всегда так? – ошалело повернулся ко мне капитан. – Вот это парень!

Я молча пожал плечами – что говорить, скоро сам узнает.

А Лешка уже спустился вниз. За пазухой футболки – горсть орехов. В зеленой кожуре.

– А где же скорлупа? – удивился Алешка, разглядывая орехи.

– Под кожурой, – хитренько усмехнулся капитан.

Алешка тут же содрал кожуру и успокоился – под ней настоящий орех. И удивился, разглядывая свои пальцы, окрасившиеся в ярко-желтый цвет: – Надо же! Кожура зеленая, а пальцы желтые.

– Вот так, – сказал капитан злорадно. – Теперь три дня не отмоешь.

– Вот беда-то, – хмыкнул Алешка.

И мы поехали дальше. И снова начались чудеса. То дикие сливы появлялись на пути, то шелковицы – с черными, красными, белыми, желтыми ягодами. Мы всего по дороге попробовались, только орехи Алешка так и не раскусил. Он пошарил в ящичке на панели и достал пассатижи.

– Козел! – вдруг крикнул капитан.

– Кто? – удивился Алешка. – Я, что ли?

– Да вон! Посмотрите наверх. – И капитан указал на нависшую над дорогой скалу. А на ней стоял рогатый зверь и презрительно смотрел на нас со своей высоты. – Архар называется, – с уважением произнес капитан.

И мы опять поехали дальше. И снова засвистел в салоне прекрасный морской ветер.

Но все хорошее кончается почему-то гораздо быстрее, чем плохое.

Машина свернула на еще более узкую каменистую дорогу и круто помчалась вниз, к морю, гремя подвеской по булыжникам, цепляясь тентом за ветки деревьев. Наконец мы вылетели на уединенный песчаный пляж. Он был зажат между морем и скалами, в которых гигантской трещиной виднелось мрачное ущелье.

– Черное ущелье называется, – зловеще пояснил капитан.

У подножия скал, под сенью громадного ореха, – самая настоящая кавказская хижина по имени «сакля». Ближе к морю – маленький домик вроде тропического бунгало.

Возле сакли мы остановились, вышли из машины.

Эта самая сакля вся сложена из камней, даже ее плоская крыша, на которой среди росшей местами травы сушатся панцири больших крабов и красивые раковины. Возле сакли высокая аккуратная поленница, рядом с ней дубовый чурбак для колки дров.

Смотрим – из сакли выходит... настоящий горный снежный человек. Он голый по пояс, но такой лохматый, будто на нем черный шерстяной свитер. На плечи падают длинные волосы, схваченные по лбу красной ленточкой. А в руке у него – настоящая шашка.

– Удирать? – деловито спросил Алешка капитана. – Или повяжем?

– Ни то, ни другое! – рассмеялся наш капитан и отдал честь снежному человеку: – Привет, Арчил. – Потом кивнул на нас: – Объект сдал!

– Объект принял, да! – ответил снежный человек Арчил. Глянул на меня, на Алешку и добавил: – Два объекта – средний и маленький. Так, да?

– Приказано: охранять и наблюдать, – сказал капитан. – Особенно за маленьким – весьма приткий объект.

– Что в животе носишь? – спросил Арчил Алешку, указывая на его оттопыренную майку.

Алеша протянул ему орех:

– Не разгрызается.

Арчил, сунув шашку под мышку, взял орех двумя пальцами – хрясь! – пополам.

– Подумаешь, – Алешка пожал плечами, – я тоже так могу.

Арчил блеснул белыми зубами из-под усов и сделал грозное лицо:

– А вот так можешь, а?

Он завертел над головой сверкающий клинок и вдруг подбросил его вверх. Где-то высоко-высоко шашка, блеснув на солнце, перевернулась, помчалась вниз и вонзилась в чурбак, вся дрожа от нетерпения срубить кому-нибудь буйну голову.

Алешка открыл рот от восхищения. Но тут же пренебрежительно хмыкнул, взобрался на чурбак, придерживаясь за рукоять шашки и положил Арчилу на голову орех.

– Что будешь делать, да? – Арчилу стало интересно. А я ухмыльнулся: сейчас ему еще интереснее будет.

Алешка не ответил, соскочил с чурбака, отсчитал от него двадцать шагов.

– Товарищ капитан, – сказал он зловеще и протянул к нему руку. – Дайте мне, пожалуйста, ваше табельное оружие.

– Зачем? – удивился тот.

– А я тоже покажу, что я умею. Одним выстрелом расколю этот орех.

Арчил захохотал, будто обвал в горах прогремел. Он, наверное, подумал, что Алешка имел в виду его голову. А капитан нырнул в машину, рванул ее с места и уже на ходу крикнул с облегчением:

– Объект сдал! – Затем он на секунду высунул голову в окошко и добавил: – Да, кстати, меня Володей зовут!

И капитан Володя умчался, как сумасшедший, на своем «уазике». Правда, вскоре вернулся – вспомнил, что уехал с нашим чемоданом. Поставив его на землю, посетовал:

– С вами одни приключения...

– А что еще случилось? – Алешка невинно похлопал глазами. – Дорогу потеряли?

Капитан задумчиво посмотрел на него.

– Не потерял, а нашел. Кое-что. Под педалью газа.

– Шишку с итальянской сосны? – обрадовался Алешка. Так естественно, что я сразу заподозрил его в какой-то фишке.

– Покруче, – сказал капитан. – Пассатижи.

– Наверное, они упали и попали под педаль, да? Зато вы уже не могли, – назидательно добавил Алешка, – превышать скорость на опасных участках дороги. Эти пассатижи спасли вашу жизнь, капитан Володя.

– Ты думаешь? – Он все так же задумчиво смотрел на Алешку. – А я думаю – наоборот, сильно ее сократили. До свидания, дети.

И капитан Володя снова умчался. Уже надолго.

Арчил стоял подбоченившись, скрывая в усах улыбку, и то смотрел вслед машине, то на Алешку. И задумчиво качал лохматой головой.

Так началась наша прекрасная, полная опасностей и приключений жизнь среди загадок, тайн и мирных удовольствий...

Место, где мы с Алешкой поселились, было очень красивое, дикое и таинственное – залив на берегу моря, плавно переходящий в узкое мрачное ущелье, по крутым склонам которого росли колючие деревья и дикие сливы. А в конце ущелья вздымалась высоченной стеной каменная скала, вся затянутая ползучими колючками величиной с иглы дикобраза. А если хорошо приглядеться, то на самом ее верху были заметны какие-то темные пятна, на одинаковом расстоянии друг от друга. И одинаковой величины. Но мы сначала не обратили на это внимания.

С одной стороны ущелья на его крутой склон взбирался виноградник, ровными рядами, будто бодро шагала рота солдат. Рядом с ним блестели на солнце чисто вымытыми стеклами теплицы. У правого склона заманчиво раскинулся фруктовый сад со всякими плодами. А все остальное было – море. Голубое и бескрайнее. Там, где кончался пляж, выдавалась в это бескрайнее море песчаная коса. На ней был маленький причал из двух досок, возле которого то плавно покачивалась, то словно глубоко спала лодочка – вроде швертбота, с веслами и простым парусом. А еще дальше в море виднелся какой-то остров.

– А там кто живет? – спросил Алешка.

– Там никто не живет, да. Только один глупый птица, называется чайник... Нет, называется чайка. А вы будете в этом доме жить. – Арчил показал на бунгало. – А кушать в моем доме. Три раза.

– Всего-то? – удивился со смешинкой в глазах Алешка. – За весь месяц?

– Три раза, – уточнил Арчил, – но каждый день. И фрукты сколько в живот влезет. На весь месяц.

– Я согласен, – сказал Алешка.

– И Арчил согласен, – сказал Арчил. – Вам здесь хорошо будет, да. Все это, – он широко повел рукой, – нравится, да? Знаешь, кто все это посадил? Кто такой красивый дом построил? Кто виноград растил? Кто сад сделал? Один очень хороший человек.

– Дядя Арчил, да? – догадался Алешка.

– Еще лучше. Дедушка Арчила.

Что-то непонятно. Зачем этому очень хорошему дедушке надо было строить дом и «делать» сад в таком диком месте?

– Так было надо, – очень подробно ответил на мой вопрос дядя Арчил, внук очень хорошего дедушки.

Мы еще немного посидели у моря на теплой каменной скамье, вырубленной прямо в скале. Море неподвижно лежало у наших ног, тихое, задумчивое – оно даже не плескалось. Только все время меняло свой цвет. Особенно вдали: то синее, то голубое, то все сверкающее под солнцем.

Арчил встал. Погладил гладкий теплый камень скамьи:

– Знаешь, кто такой хороший сиденье сделал?

– Знаю, – сказал Алешка. – Дедушка дяди Арчила.

– Неправильно сказал, – Арчил гордо погладил усы. – Такой скамейка тоже очень хороший человек сделал. Арчил называется.

– Из камня? – притворно изумился Алешка. – Топором?

– Что говоришь!? – притворно возмутился Арчил. – Какой-то топор? Чайкиной... Как сказать правильно?.. Чашкиной ложкой рубил. Так, да.

– Триста лет подряд? Без выходных? Так, да?

Так, да. Кажется, эти юмористы быстро общий язык найдут.

Мы с Алешкой поселились в «бунгало» – маленьком легком домике в одну комнату с верандой, сплошь увитой виноградом. Тяжелые гроздья его, налитые горячим солнцем, висели прямо над головой.

В комнате было две раскладушки, две тумбочки, два парусиновых кресла и столик со стулом. Нам хватит.

Но первый день мы провели в гостеприимной сакле Арчила. Вот уже где класс!

В сакле было сумрачно: окошко маленькое. В очаге, сложенном из камней, рдели алые угли, а над ними дымились и капали на них вкусным соком куски мяса.

В дальнем от двери углу – топчан, покрытый медвежьей шкурой. На нем вместо одеяла – широкая мохнатая бурка. На каменных стенах – тоже какие-то шкуры, а на них – шашка в ножнах, карабин, два кинжала и самодельный арбалет. На одной длинной полке – глиняная посуда, медные блюда и узкогорлые кувшины, похожие на девушек. По всем другим стенам тоже полки и на них – книги. Старинные, сразу видно. И на разных языках.

Арчил придвинул к топчану бочку и поставил на нее блюдо со всякими фруктами и тарелку с чищеными орехами. Налил нам по здоровенному бокалу виноградного сока, а себе – виноградного вина. Поднял бокал, расправил усы и сказал торжественно:

– Этот мой дом теперь и ваш дом. Навсегда. Так, да? И в радости, и в беде. И в солнце, и в снег. И в нужде, и в богатстве. Здравствуйте долго! Как горы и море. Арчил правильно сказал. Так, да? – И он одним махом осушил свой бокал. А мы – свои.

Арчил снял шампуры с шашлыком и положил перед нами.

– Кушайте, джигиты. Так, да.

Джигиты не отказались. И так навалились на сочное, необыкновенно вкусное мясо, что Арчил довольно улыбался и расправлял свои пушистые усы.

Потом мы сидели на пороге сакли и смотрели на море и горы. Арчил закурил трубку.

– А вы здесь все время живете? – спросил Алешка.

– Так, да. У меня такой работа. Очень совсем научный. Арчил такой большой книга пишет. Диссертаций называется. Докторский.

Вот тебе и дикий снежный человек! Ходит голый по пояс, весь в шерсти, из арбалета стреляет и... докторскую диссертацию пишет. Хорошо пошутил наш папочка.

Стало вечереть. С моря потянул легкий ветерок, оно наморщилось, начало чуть слышно плескать в берег. А в небо поднялась луна. Почти полная, только с одного бока краешки не хватало.

Арчил вычистил трубку, встал.

– Скоро ночь придет. Спите хорошо, два объекта.

– А можно мы завтра на рыбалку пойдем? – спросил я.

– Очень можно, – кивнул Арчил. – Нельзя только три дела делать. – Тут его добродушный тон стал почти суровым: – В горы не лазить – один дело. Стекла в теплице не разбивать – другой дело...

– Шашкой не махать, – догадался Алешка, – третий дело? Так, да?

– Очень правильно сказал.

Мы пошли в свой домик и сразу же улеглись – день был полон впечатлений, мы здорово устали.

Было очень тихо. Даже море уснуло. Только во всю мощь гремели цикады. И светилось окошко в сакле. Наверное, Арчил писал свою «такой большой книга, диссертаций называется».

Через две минуты мы глубоко и безмятежно уснули, совершенно не догадываясь, что эта ночь – одна из последних спокойная и мирная...

Глава II ЧЕЙ ЭТО ЧЕРЕП?

Утром нас разбудили крики чаек и какие-то мерные трескучие удары.

Мы выглянули в окно. У порога своей сакли полуголый Арчил яростно колот дрова. Волосы, спадающие на плечи, громадный топор в сильных руках – отсюда, на фоне каменной хижины, он был похож не на снежного человека, а на старинного воина-викинга.

И дрова он колот здорово, по-своему. Ставил на чурбак полено и сначала делал по кругу несколько несильных ударов, а потом – замах и один удар, резкий, беспощадный, и здоровенное полено будто само собой разваливалось на полешки, которые осыпались вокруг колоды, стянутой стальным обручем. Красиво!

Арчил воткнул топор в колоду, стал, что-то напевая, класть у стены поленницу – ровно и красиво, чтобы каждое и без того сухое полешко еще и напиталось солнечным жаром.

Мы вышли на веранду. Сквозь виноградные листья пробивались лучи, и когда легкий ветер шевелил листву, по полу, по столу бегали солнечные зайчики. А на столе уже стояли кувшин с соком и тарелка с лепешками.

Мы быстренько позавтракали и пошли к Арчилу. Поздоровались, помогли ему доложить поленницу. Сказали, что идем на рыбалку.

– Мы и вам наловим рыбы, – пообещал Алешка.

– Я не люблю рыбу, – отказался Арчил. – Ее ловить надо. А я плавать не люблю. Потому что не умею. Я шашлык люблю.

– Шашлык ловить не надо, – Алешка кивнул с пониманием.

Арчил улыбнулся, тоже с пониманием. Они все больше и больше друг друга понимали. Хм, надо за ними приглядывать. Охранять и наблюдать.

Первым делом мы, конечно, искупались, а потом взяли удочки и пошли к лодке. Алешка захватил еще и папку для рисования и цветные карандаши.

– Наше место нарисую, – сказал он мне, – и маме pošлю. Пусть знает, где мы живем. Какие тут сакли кругом.

Ветра совсем не было, и мы на веслах отошли от берега, бросили якорь. Алешка положил на колени папку, я застыл над удочками.

И вот интересно – едва я их забросил, тут же над нами закружили горластые чайки. Знают, чем дело пахнет.

Алешка, поглядывая то на ущелье, то на лист бумаги, старательно рисовал. И я тоже поглядывал – то на удочки, то на ущелье. Мрачное, конечно, место, но красивое. Загадочное и, я бы даже сказал – настороженное. Будто знает что-то такое, что не каждому знать дано. И то, что знает, так просто не откроет.

Клев был очень вялый. Раньше меня это поняли чайки и оставили нас в покое. Я поймал всего парочку колючих бычков. Зато Алешка расстарался. Здорово нарисовал. У него вообще глаз очень приметливый и точный.

Я стал разглядывать рисунок и удивляться, почему я сам этого не заметил. На Алешкином рисунке ущелье выглядело похожим на громадную чашку. С отколотым спереди краем. Причем, по одной стороне этой чашки была заметна вроде как трещинка, которая начиналась почти от моря и исчезала у дальней стены ущелья. А на самой стене отсюда (и на рисунке) еще заметнее стали какие-то ровные темные пятна. Все это Алешка разглядел и правильно изобразил на бумаге. Нашлось там место и сакле, похожей издалика на скворечник, прилепившийся к скале, и могучему «греческому» ореху, и нашему маленькому домику, из распахнутого окна которого поднявшийся ветерок выдувал легкую занавеску.

Здорово получилось. Только вот что там за темные пятна такие и трещинка по склону ущелья? Похоже, и Лешка об этом задумался. Потому что, как только мы пришли с моря, он «насел» на Арчила.

И Арчил нас удивил!

– Это окна такие, да, – объяснил нам дядя Арчил. – Древние монахи, очень черные, там свой монастырь строили, да. Одни дырки видно, так, да?

Дядя Арчил плохо говорил по-русски. Вернее, не плохо, а очень медленно. Будто пробовал каждое слово на вкус: годится оно или не годится. И всегда как бы спрашивал в конце фразы: «Так, да?»

– И что там, в этих дырках? – Алешка высоко задрал голову.

– Там, – терпеливо, но очень медленно рассказывал Арчил, – коридор такой идет, так, да? А в нем комнаты...

– Кельи, – уточнил я.

– Да, правильно говоришь, – обрадовался Арчил. – А в етим кельим такие в стенках ямки...

– Ниши, – опять подсказал я.

– Очень правильно говоришь. Так, да. И в етим ниши каждый раз череп лежит. С зубами. Но немного.

– Зубов немного? – уточнил Алешка.

– Так, да. Череп старый очень – мало зубов сохранил. А на черепе свеча стоит. Очень красиво.

Да уж, как во сне. В кошмарном.

– В етим монастыре еще один дедушка жил.

Опять дедушка!

– Ваш дедушка?

– Нет. Дедушка моего дедушки. Черный монах был.

– Черепа таскал?

– Нет. Он в них дырки делал. Арбалетом. Самострел называется.

Из рассказа Арчила мы поняли, что монастырь построили – вырубили в скале – древние люди. Для охраны своей родины от врагов. И там они складывали черепа побежденных, пробитые тяжелыми стрелами из арбалетов.

– Не слабо, – выдохнул Алешка.

– Совсем не слабо, так, – кивнул Арчил и выпустил густой клуб дыма. – Арчил про етим дело книгу пишет. И два раза думал, как туда наверх забираться?

– С етим делом, – пообещал Алешка, глазом не моргнув, – мы вам поможем. В два раза. То есть счета.

Я сразу же подумал, что он собрался, используя свой прежний опыт, угнать с ближайшей стройки какой-нибудь подъемник с длинной стрелой. Но у Алешки, как позже выяснилось, совсем другое было на уме. Покруче. А что из этого вышло – лучше бы не вспоминать. Но придется...

Арчил тем временем все рассматривал Алешкин рисунок.

– А вот это что? – Алешка ткнул пальцем в «трещинку на чашке».

– Какой молодец! – восхитился Арчил. – Какой глаз! Горный орел! – И объяснил: – Там старый тропа проходит. Очень плохой тропа, опасный. Какой объект туда пойдет, то здорово по шее получит! – Это у него очень по-русски прозвучало. Убедительно.

– Да... – Алешка поскреб макушку, посмотрел наверх и задумчиво произнес: – Как же туда забраться?

– Никак, да. Этот колючка на стене – он сильно ледовитый.

– Ядовитый, – поправил я.

– Так, правильно. Совсем как большой змея.

– Интересно получается, – недоверчиво протянул Алешка. – Черепа всякие без зубов, но со свечками... Кельи всякие с дырками... Колючки всякие ледовитые... А если туда нельзя забраться, откуда тогда это все известно?

Арчил вскинул руки над головой:

– Вах! Какой ты! Что говоришь! Легенда такой, сильно древний.

– Это мы знаем, – спокойно сказал Алешка. – Легенды, обычаи, тосты. Похищение невесты.

– Какой, слушай, невеста! – рассердился Арчил. – Какой-то тост! В самой большой книге написано. Вот такими буквами! – Он грозно поворочал вытаращенными глазами и пошевелил усами, как таракан. – Еще скажу тебе два слова, так, да? Один слово – на стенка не лазить. Другой слово – на колодец не сидеть. Все понял, да? – И он, что-то ворча, ушел в свою саклю.

Да, кстати, о колодце. У подножия скалы, в узкой каменной щели, куда никак не могли дотянуться солнечные лучи, пряталось, я бы сказал, чудо природы. Круглая дыра, уходящая далеко в глубину и залитая до краев чистой водой. Такой прозрачной, что только у самого дна она окрашивалась в нежный голубой цвет.

И вот что странно: несмотря на огромную глубину, дно колодца было видно совершенно ясно, до каждого мелкого камешка, сверкавшего так, будто там, в синей глубине, куда не доставали солнечные лучи, лежало большое круглое зеркало и отражало какой-то иной, неведомый свет...

В этом было что-то жуткое, таинственное. Синяя бездна колодца пугала и манила одновременно – притягивала какой-то мрачной тайной, древней, но все еще живой и опасной.

Ну как было миновать этот колодец, не заглянув в его таинственные глубины? Бросишь в воду камешек – легкий «бульк», пузырьки воздуха – и камешек, все уменьшаясь, плавно опускается вниз и мягко ложится там, к другим таким же камешкам. Которые наверняка бросали туда многие люди до нас...

И вот на наш дикий уголок опустилась одна ночь, которая все переменяла. Она была светлая – над морем висела ослепительно белая и безупречно круглая луна.

Нам не спалось. Алешка сидел в лодке и ловил в спящем море ночную рыбу. А я бродил по берегу, слушал, как с легким шипением набегают на него мягкие волны и растворяются в песке, оставляя на нем кружева белой пены.

Ну совсем не спалось! Луна такая... И небо – все черное, без звезд... И монастырская скала... В глубине которой, в одном из окошек, вдруг появился слабый свет – будто затеплилась тонкая свеча. И эта свеча в невидимой руке поплыла от окна к окну, будто кто-то шел вдоль них, бережно прикрывая ладонью ее слабый огонек.

Как зачарованный я подошел поближе и сел на край колодца, не сводя глаз с плывущей в скале свечи. Вдруг она мигнула и погасла.

Я еще долго вглядывался в темные пятна среди колючей флоры, но там опять настала полная темнота. Машинально я бросил в колодец камешек, который подобрал на берегу. И странно – не раздалось характерного «булька», с которым камешек пробивает поверхность воды, а только через долгое время далеко внизу послышался слабый щелчок.

Вот это фишка!

Я заглянул в колодец – сплошная чернота – и помчался в дом за фонариком.

От нетерпения рука у меня дрожала так, что я с трудом нашупал кнопку, чтобы включить его. Вспыхнул яркий луч. И на дно колодца упал световой круг. В нем засверкали камешки. А больше там ничего не было. Даже воды!

Я чуть не выронил фонарик. Посидел еще на краю колодца, стараясь успокоиться. Выключил фонарик и пошел за Алешкой. Загнал его домой, но ни слова об увиденных этой лунной ночью чудесах ему не сказал. Не стал его пугать раньше времени.

Утром, едва открыв глаза, я кинулся к колодцу... Вода в нем опять была. Но кроме воды было и еще кое-что. На краю колодца, на ограждающих его камнях, весело белел под солнцем... человеческий череп.

Вот тогда я уж рассказал Алешке обо всем. Но он, как ни странно, не удивился. Он внимательно посмотрел мне в глаза и сказал:

– Это еще не все, Дим. Когда я ночью сидел в лодке, из-за песчаной косы вышел катер.

– Ну и что? Нормально.

– Нормально, говоришь? Однако он шел очень тихо и, главное, Дим, – без огней. Он тайно шел, понимаешь? Как Летучий голландец.

Да, нам еще какого-нибудь голландца не хватало. Да к тому же летучего...

– Все это, я думаю, Дим, неспроста. – Алешка был очень серьезен. – Всякие там черепа, черные монахи, вода в колодце, тайные катера, легенды... Они, мне кажется, как-то связаны.

И я тоже призадумался. Алешка, хоть и фантазер, но голова у него здорово работает. Правда, какая тут во всех этих чудесах может быть связь, даже Алешке, наверное, не разобраться.

– Арчилу скажем? – спросил я.

– Потом. А то он нас вообще в своей сакле запрет. «Один слово – черепа не собирать, другой слово – в колодец не лазить...». Правильно сказал, да?

Совсем правильно.

А вот за колодцем я понаблюдаю. Мне его тайна покоя не даст.

Тут откуда-то сверху раздался автомобильный сигнал, и на пляж вылетел «уазик» капитана Володи.

– Эй, объекты! – закричал он, высовываясь в окошко. – Я за вами! Поехали! Через два часа ваш батя на связь выходит. Арчи! Мы – в город. Тебе чего-нибудь надо?

Арчил вышел на порог сакли и помахал капитану Володе.

– Все есть, зачем кричишь? Тихо ехай, так, да?

И мы поехали в город.

– А козел все стоит на скале? – спросил Алешка дорогой.

– Не знаю, – как-то озабоченно вздохнул Володя. – Нам и без него козлов хватает.

Что он имел в виду, мы узнали довольно скоро.

Глава III

ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ С ЧЕРЕПАМИ

До города мы доехали быстро. Алешка в этот раз под педаль газа ничего не подкладывал (капитан Володя предусмотрительно усадил его сзади) и на «греческий» орех не лазил. Нам самим не терпелось поговорить с папой.

В отделении милиции капитан Володя провел нас в свой кабинет и, чтобы нам не было скучно, угостил чаем. Кабинет у него был простой: письменный стол со стулом, пишущая машинка, небольшой облезлый сейф и на стене портрет дядьки с узкой бородкой.

– Это ваш дедушка? – вежливо поинтересовался Алешка, звеня ложечкой в стакане.

Капитан улыбнулся:

– Можно сказать и так. В какой-то степени.

А вот «в какой степени» Алешка задал свой вопрос, я не понял. Точно такой же портрет он сто раз видел в папином служебном кабинете. И прекрасно знал, что это Держинский, основоположник наших правоохранительных органов.

– Как тут у вас криминогенная обстановка? – вежливо продолжил разговор Алешка. – Хватает козлов?

– Выше крыши, – вздохнул капитан Володя. – Тут такие на трассе козлы объявились – сущие волки.

– Ну вы им покажете, – то ли с уверенностью, то ли с надеждой, сказал Алешка.

Капитан Володя покачал головой.

– Пока они нам показывают. Никак мы их выследить не можем.

– Вам надо, – со знанием дела посоветовал Алешка, – больше на общественность полагаться. Привлекать сознательных граждан.

Капитан Володя так посмотрел на него! Будто хотел спросить: «Ты себя имеешь в виду, друг мой?» А Лешка ответил ему таким взглядом, будто хотел сказать: «Вот именно».

Тут их переглядки прервал длинный междугородный звонок. Володя поднял трубку:

– Здравствуйте, товарищ полковник. Да, они здесь, ждут. – Это капитан Володя, наверное, о нас сказал. А потом заговорил совсем о другом, и было похоже, будто он докладывал папе о каком-то деле. – Пока ничего нового, товарищ полковник. Детали? Вкратце так: нападения осуществляются, как правило, на транспорт с грузом видеотехники, идущий из-за рубежа. По всей вероятности, они получают оттуда достоверную информацию.

Конечно же, мы слушали разговор во все наши уши. Хотя и всеми глазами делали вид, что нам он совершенно неинтересен, – Алешка глазел в окно, за которым трепетала зеленая ветка, а я разглядывал сейф, на боку которого висел прошлогодний календарь.

А капитан Володя продолжал:

– Технология простая. Останавливают автобус или фургон выстрелами по колесам, нейтрализуют водителей и сопровождающих груз, переключают его в свой транспорт и исчезают. Какой транспорт? Особые приметы? По показаниям свидетелей и потерпевших – как правило, автофургон. На борту рисунок в виде парящего орла и надпись «Конкорд». Да, товарищ полковник, созданы специальные группы, усилены посты ГАИ, но на след этой машины ни разу не удалось выйти. Что полагаю? Думаю, товарищ полковник, что они практически сразу меняют транспорт. Фургон где-то прячут, а груз везут другими машинами. Возможно, морем. Да, товарищ полковник, ваши товарищи прибыли. Они проехали всю трассу от границы, но никакой информации не получили.

Потом капитан Володя долго и внимательно слушал папу и только однообразно повторял: «Да, товарищ полковник. Понял, товарищ полковник. Сделаем, товарищ полковник. Спасибо,

товарищ полковник. Передаю им трубку. Всего доброго», – и он, подмигнув нам, протянул трубку.

Алешка вцепился в нее, как голодная обезьянка в спелый банан.

– Папа! – закричал он. – Здесь так здорово! Полно всяких черепов! С дырками, пап! И черные монахи ходят. С шашками. Я маме картинку нарисовал. А море такое большое! И цикады трещат. И шашлыки. А грецкий орех – еще зеленый, а пальцы от него желтые...

В общем, намолотил и с моря, и с Дона, и с верхней полки. Представляю, как папа его сейчас слушает, а потом передает разговор маме:

– У Алешки там для тебя картинка с шашками. Грецкие орехи с дырками. Монахи с черепами. И все это в желто-зеленом море с цикадами. Да, и шашлыки трещат.

Я еле вырвал у Алешки трубку и подробно рассказал папе о нашей здешней жизни, передал маме привет.

– Приглядывай за Алешкой, – сказал папа. – А мы с мамой, может быть, прилетим к вам на пару дней. На шашлыки с треском и с цикадами. Будь здоров, передай трубку капитану.

Они еще о чем-то поговорили. Но мы так и не поняли – о чем. Потому что капитан Володя, поглядывая на нас, отвечал совсем коротко: «Да. Нет. Не беспокойтесь».

– Все, – сказал капитан, положив трубку. – Сеанс связи состоялся – по коням! Сейчас отвезу вас и...

Что там «и...» мы так и не узнали. В комнату стремительно вошел оперативный дежурный и взволнованно доложил:

– Товарищ капитан, нападение на семнадцатом километре! Опять эти шакалы.

– Опергруппу – на выезд! – скомандовал капитан Володя. Достал из сейфа и сунул под мышку пистолет, повернулся к нам: – А что мне с вами делать? По городу побродите или...

– Или! – подскочил Алешка. – С вами поедем. Вам все равно по пути. – И добавил предупредительно: – А в незнакомом городе мы можем заблудиться. Что вы тогда нашему папе скажете?

Капитан Володя вздохнул, на секунду задумался, принял решение:

– Добро. Только из машины на месте происшествия не вылезать. Сидеть сзади и помалкивать.

Когда мы бегом выскочили из милиции, у самого подъезда вдруг остановилась легковая машина неизвестной нам марки. Зато вышли из нее два очень даже известных нам гражданина. Когда они увидели нас с Алешкой, то один из них засмеялся басом, а другой легонько усмехнулся и помахал нам рукой. Это были наши попутчики – Вадик и Владик.

Я посмотрел на Алешку и прочел в его глазах, как телеграмму: «Справимся, товарищ полковник» – это было еще в Москве, на вокзале. «Ваши товарищи прибыли» – это прозвучало только что, в кабинете капитана Володи.

Вот так фишка!

А капитан Володя тоже махнул им рукой и сказал:

– Подождите меня в дежурке.

На двух машинах мы вылетели из города и помчались по трассе. Она идет с юга на север. На юге – граница, на севере – наша большая страна.

Проскочили поворот на ту извилистую дорогу, которая ведет к Черному ущелью, промчались мимо небольшого поселка, из которого выскочила и дунула нам вслед, заливаясь веселым лаем, стая собак – они так развлекаются в своей южной скуке. Миновали какой-то перекресток, и вот он – семнадцатый километр.

Полно машин у обочины – милицейские, «Скорая», техпомощь. И все это вокруг автобуса, как-то жалко осевшего на пробитые колеса. Его ветровое стекло мелким крошечком осыпалось на асфальт. Дверцы распахнуты.

Наша машина останавливается немного в стороне, капитан Володя выходит, а мы послушно остаемся сидеть в ней. Распахнув свои дверцы и свои ушки.

Вокруг автобуса – суета. Но такая, я бы сказал, деловая. Оперативники опрашивают потерпевших, врачи оказывают им помощь, эксперты фиксируют следы и ищут вещественные доказательства.

Капитан Володя не遠далеке допрашивает водителя. У того забинтована голова. Мы прислушиваемся.

– Как, как произошло?.. Обыкновенно. Обогнала иномарка, подрезала. Из задней дверцы – ружейный ствол. Ахнули по скатам и по ветровому стеклу. Меня малость зацепило дробью, – водитель легонько щупает повязку на голове. – Тут же тормозит рядом фургон, и они давай из автобуса груз в него перекладывать... Там, в автобусе, мужик ехал, сопровождающий – ему по башке, из автобуса выкинули.

– Фургон какой марки? – спрашивает капитан Володя. – Номер? Приметы?

– Номер я не заметил, – сожалеюще и чуть виновато говорит водитель. – А фургон наш, отечественный, приметный: на борту орел нарисован, распахнутый такой. И буквы не наши.

Володя спрашивает, записывает, распоряжается. Мы сидим, как мышки.

– Куда он направился, фургон? – уточняет капитан.

– А к Приморску, на север.

– Ладно, спасибо, – говорит Володя и закрывает папку. – Если еще что-нибудь вспомните, позвоните. – И он дает водителю свою визитную карточку.

Водитель отходит. Приостанавливается, мнетя.

– Что? – спрашивает Володя.

– Да ерунда! – как-то смущенно говорит водитель. – Вспомнилось не к месту.

– Нам сейчас все к месту. Что вы хотели сказать?

– Да это... Значит, когда фургон с орлом и иномарка отъехали... ну, пока я помощь сопровождающему оказал, пока милицию вызвал... И тут, значит, в обратном направлении еще один фургон прошел. Похожий. Только у того – орел на боку был, а у этого – самолет...

Алешка вдруг хлопает себя ладошкой по губам и толкает меня в бок. Я удивленно смотрю на него. А он всю хлопает ресницами – сообщает.

– И еще, – вдруг продолжает водитель. – Эти бандюки очень торопились, когда груз переносили. А один все их подгонял, мол, скорее, да скорее. И еще как-то сказал: «Живее, братаны, Тропик уже ждет!»

– Тропик? – переспросил Володя.

– Тропик, – кивнул водитель. – Точно, я запомнил.

Алешка снова меня в бок:

– Дим, этот Тропик их главарь, кличка у него такая.

Ну это и мне ясно.

Потом капитан Володя стал допрашивать дядьку, который сопровождал груз в автобусе. Фамилия его оказалась Воробей. Он и был похож на маленькую непоседливую птичку. И говорил так же быстро, будто чирикал.

Капитан Володя усадил этого Воробья, которого был залеплен пластырем лоб, в машину, потому что тот жаловался на головную боль и когда не чирикал, то морщился. И ругался на бандитов.

Из его слов мы поняли, что группа коммерсантов закупила за рубежом партию телевизоров, арендовала автобус и поручила Воробью сопровождать груз от границы.

– А почему автобус? – уточнил внимательно слушавший Воробья Володя.

– А потому! – сердито буркнул тот и почесал пластырь на лбу. – У вас тут разбойничают на трассе. Я уже третий раз так попадаю. Для безопасности и взяла автобус. Чтоб внимания к грузу не привлекать. Кто ж подумает, что в автобусе телевизоры едут? Правильно?

Значит, кто-то бандитам подсказал, подумал я. И тут же вспомнил, что похожие слова два часа назад говорил капитан Володя папе. А по тому, как Алешка снова ширнул меня локтем в бок, понял, что и он подумал о том же.

У меня вдруг появилось ощущение, что вокруг нас начинает сплетаться что-то вроде сети из загадочных нитей. И, хочешь – не хочешь, а нам с Алешкой в этих сплетениях придется разбираться.

Наконец опергруппа работу закончила. Усталый капитан Володя отдал еще какие-то распоряжения и сказал нам:

– Поехали, братва. Отвезу вас к Арчилу.

– Я на минутку, – сказал Алешка и выскользнул из машины. – Очень надо.

– Ну, раз надо... – Володя вздохнул с пониманием.

Алешка забежал за подбитый автобус, заглянул в его распахнутые дверцы, что-то подобрал с пола и сунул в карман. Володя этого не заметил – курил, положив руки на баранку. Но я видел.

Алешка вернулся, и мы, развернувшись, поехали в свое Черное ущелье.

– Вот такие дела... – несколько раз за дорогу проговорил озабоченный капитан милиции. – Вот такие, стало быть, проблемы...

У поворота на нашу дорогу Алешка, прилипший к окну, снова попросил Володю остановиться.

– Опять! – взвыл Володя. – Ты что, прохудился?

– Это ваш чай, – буркнул Алешка, выпрыгивая из машины.

И здесь он задержался не очень долго. И опять что-то подобрал с дороги и сунул в карман.

Трогаясь с места, капитан спросил Алешку:

– Видишь впереди кривое дерево с двойным стволом, как рогатка?

– Еще как! – похвалился Алешка.

– Я возле него опять остановлюсь. Специально для тебя.

– А мне больше не надо, – хихикнул Алешка. – Вы лучше скажите: куда вон та дорога ведет? – и он указал куда-то влево, где скрывался меж скал и деревьев едва заметный съезд с шоссе.

– Никуда. Раньше была короткая дорога к морю, а теперь – тупик. Там обвал случился, и давно никто не ездит.

– А куда дорога выходила?

– К Песчаной косе, рядом с вашей бухтой. У рогатки останавливаться?

– Ну, если вам очень надо... – лукаво усмехнулся Алешка.

Когда мы поужинали и посидели с удочками в лодке, прямо у берега, я уже было подумал, что жизнь налаживается и что во всех этих событиях разберется кто-нибудь другой, без нас. Или они как-нибудь сами по себе рассосутся. Тоже без нас.

Но не тут-то было.

Алешка выдернул удочку и скомандовал:

– Пошли спать. Завтра рано вставать.

– Чего ради? – рассердился я. – В школу опоздаем?

– Дим, – зашептал Алешка, – нам обязательно нужно забраться в монастырь. И тогда мы все разгадаем.

– Тебе это надо?

– Это всем надо.

Вот выдал! Однако все, что говорит Алешка сгоряча, я потом, обдумав, признаю безоговорочно. Несмотря на нашу с ним разницу в возрасте.

– И как мы туда заберемся?

– Сначала попробуем «трещинкой». Ну, той тропой.

– Арчил обещал голову оторвать.

– Тебе?

– Обоим. Ты не слышал?

– Я забыл, – усмехнулся Алешка. – И ты тоже. А у Арчила я про тропу все выпросил. Она начинается от моря. Вон там, за скалой. Там есть камень, который, как Арчил сказал, «в воду слез». От него тропа идет наверх, к монастырю. Пойдешь со мной?

– Нет, – ответил язвительно я, – одного тебя отправлю!

– Завтра Арчилу скажем, что идем на рыбалку к острову, где «один глупый чайка живет», а сами свернем за скалу. Пусть он спокойно свой «умный диссертаций» пишет. Правильно сказал, да?

Спорить я не решился. Только спросил:

– Лех, а что ты там на дороге, как Мальчик-с-пальчик, подбирал?

Алешка подумал и очень важно ответил:

– Потом скажу. Когда версия окончательно оформится.

Вот удивительно – я знаю про все происходящие вокруг нас загадочные темные дела то же, что и Алешка, но у меня в голове никакие версии не оформляются. И близко к тому ничего нет.

Но зато у меня есть одно тайное открытие. Путем постоянных наблюдений я пришел к выводу, что наш странный колодец... дышит. Причем, равномерно – вдох, выдох. Два раза в день он вдруг оказывается полупустым, а потом неведомым образом наполняется почти доверху. Почему так происходит – великая загадка. Вроде горизонта. Который вроде бы и есть, а на самом деле его нету. Но я разгадаю тайну колодца, чудо природы. Тем более, что в этом смысле у меня тоже версия зарождается. Заметил я одну закономерность. Проверю ее – и сделаю настоящее открытие...

– Эй! – прервал мои мечты Алешка. – Сматывай удочки. Пошли спать.

Утром, когда мы отправились «на рыбалку» у белой скалы или черного камня, ветра почти не было. И мы весь путь прошли на веслах. Но это для нас пустяки. В свое время папа нас научил и веслами грести, и с парусом управлять.

Не дойдя до острова, над которым действительно кружили чайки, мы круто свернули и пошли вдоль берега под прикрытием скалы искать тот самый камень, который «в воду слез». И очень скоро его нашли – совершенно плоский, он влажным языком спускался в море и казался куском асфальта – ни трещинки в нем, ни бугорка, ни ямки. Поэтому мы без труда причалили и вытащили на него лодку.

От камня, и правда, начиналась чуть заметная среди зарослей тропа. И что это была за тропа! Для козлов-архаров! Под ногами – осыпавшиеся камни, с боков – злющие колючки. Слева уходит вверх склон ущелья, справа – он обрывается вниз. Камень, выскочивший из-под ноги, скачет меж зарослей и потом звонко стучит по склону, все тише и тише. А когда падает на дно ущелья, звук до нас уже не доносится.

Алешка старательно и упорно пыхтел впереди меня. Я не возражал. Так он был у меня перед глазами и я все время был готов схватить его за шиворот в опасный момент.

Мы шли довольно долго. И было это утомительно. Душно, камни дышали жаром, от всякой тропической флоры исходили под солнцем пряные ароматы. Хорошо еще – не шмыгала под ногами и не ползала по ветвям всякая тропическая фауна в виде экзотических змей.

Тропа забирала все выше и выше. Постепенно она становилась шире и ровней. По нашим расчетам, мы уже находились где-то сбоку от монастыря.

Заросли поредели, раздалась, тропа кончилась... Мы ахнули. Тропа обрывалась над ущельем. А на другой его стороне, в гладкой каменной стене зловеще чернело сводчатое отверстие

вроде двери. Но добраться до него не было никакой возможности. Ширина расселины в этом месте – метров двадцать. А пропасть... Однажды мы с Алешкой забрались на двадцатый этаж недостроенного дома, и я заглянул сверху в шахту лифта. Сейчас возникло примерно такое же впечатление. Даже голова закружилась. У меня. Но не у Алешки.

– Ерунда, Дим. Срубим вот это дерево, оно упадет верхушкой на ту сторону – и получится мостик. Ты перебежишь по нему...

Я молча сунул Алешке под нос фигу.

Когда мы вернулись на берег, море немного разволновалось.

Мы столкнули лодку в воду, отгреблись от языкастого камня и подняли парус. Он сразу же туго забрал ветер, и наша лодка напористо пошла вдоль берега. Ветер усилился. В скалы звучно заплескали волны, разбивались о них в зеленые брызги, взлетая наверх, и обнажали заросшие мидиями подножия.

Едва мы вышли на открытый участок, лодку резко накренило, тонко запел в снастях ветер. Алешка уселся на наветренный борт, откренивая лодку. И мы понеслись, в пене и брызгах, чуть не касаясь вздувшимся брюхом паруса пенистых гребней.

Когда мы подлетели к берегу, я увидел, что через причал уже грузно переваливаются тяжелые пенистые валы. Мы не решились подходить к нему и выбросились на берег. Здесь нас уже ждал встревоженный Арчил. Он подхватил нос лодки одним пальцем и махом выкинул ее подальше на песок.

– Вах! Какой ветер! – сказал он. – Только смелый джигит такому ветру брат. Который человек замерз, сразу в саклю бежит. Будем у огня греться, кушать будем, хорошую песню станем петь. Правильно сказал, да?

А на следующее утро Арчил собрался в город.

– Очень надо. Может, два дня там буду. В один библиотека ходить стану. Старый книга смотреть. Там про Черный монах хороший слово есть. – Он задумчиво расправил усы. – Одни будете. Шашка не трогать. На стенка...

– Не лазить, – подхватил Алешка, – на тропа не ходить.

– Молодец! Какой молодец! Как правильно сказал, да! Совсем красиво!

Глава IV «ИМЕНИ КРЯКУТИНА»

У Лешки в последнее время появилась интересная способность. Даже две: неожиданно исчезать и так же неожиданно появляться. Причем, исчезать именно тогда, когда он нужен, а появляться в ту минуту, когда он в этом месте и в это время вовсе ни к чему...

Мы стояли на берегу, возле самого края моря, и смотрели в его лазурную даль – не мелькнут ли там черные пиратские паруса или белый парус какого-нибудь морского бродяги. Или загадочный катер.

У наших ног беззвучно набегали на берег маленькие волны и тут же растворялись в мокром песке, оставляя на нем чуть слышно шипящую белоснежную пузырчатую пену.

– Вот, – с укором сказал вдруг Алешка и широко повел рукой. – Вот, Дим, никакого тут нет горизонта. И чего нам в школе про него ввали?

Он был прав. Нет, я не про школу. В школе много полезного узнаешь. Если захочешь, конечно. Я – про горизонт. Море и небо сегодня получились одного цвета. Такого одинакового, что даже не было заметно, где они сливались в одно целое. И где должна разделять их условная линия под названием горизонт. Впереди нас было одно общее необозримое ярко-голубое пространство.

– Никуда он не делся, – сказал я Лешке про горизонт. И стал подробно, как учитель на уроке, развивать мысль. Изо всех сил старался! – И хотя эта линия считается условной, ее практическое значение в мореплавании очень велико...

Алешка молчал, не спорил. Меня это удивило – совершенно на него не похоже. Под настроение он способен ставить под сомнение и то, что земля круглая. И убедительно доказывать, что она имеет форму... кенгуру, например.

Я обернулся. Лешки не было. Исчез. Только что сердито сопел у меня за спиной из-за отсутствия воображаемой линии горизонта (уж так она ему понадобилась!), и вот его уже нет. Растворился. Как волна в песке.

Я сходил в бунгало, заглянул в саклю, сбегал на виноградник, взгляделся изо всех сил в крону ореха – нигде Лешки нет. И наконец обнаружил его в глубине ущелья, возле колодца. Лешка стоял, задрал голову, и усердно пялился на колючую стену черного монастыря.

– Дим, я придумал! – сказал он, когда обнаружил меня в поле своего зрения.

– Что придумал? – я испугался. Когда Алешка что-нибудь придумывает, последствия его придумок обычно выходят за рамки безопасно-нормальных.

– Придумал, как его найти.

– Кого? Горизонт? Да он сам найдется. Не беспокойся за него, – усмехнулся я.

Алешка удивленно уставился на меня:

– Какой горизонт? При чем здесь какой-то горизонт? Я придумал, как найти вход в монастырь.

– А что, это так надо? – возмутился я, все еще надеясь, что после нашей неудачи на тропе он оставит свою затею.

– Очень, – вздохнув, признался Алешка. И добавил самым обыденным тоном: – Там бродят чьи-то тени. Со свечами. Там катаются по полу и выпрыгивают в окошки черепа с дырками. Там скрывается какая-то жуткая тайна, Дим. Ты не хочешь ее разгадать? – спросил он так простенько, будто поинтересовался – не пора ли нам пообедать?

– И что ты придумал? – рассердился я. – Длинную лестницу? Чтобы я по ней взобрался и отщелкал секатором колючки растений по бокам, да? Чтобы ты потом по готовому пути разгадал свою жуткую тайну, да?

Алешка усмехнулся.

– Зачем тебе, Дим, такие трудности? Свалишься еще, а мне попадет. Ты просто взлетишь до самых окон и заглянешь в них. Вот и все. Здорово? Правда, класс?

Взлетишь...

– Ага, крылышками помашу, хвостиком поверчу, почирикаю... Может, и гнездышко в колючках совью. И яичко снесу...

Тут Алешка даже не усмехнулся. И сказал торжественно:

– Тебя поднимет, Дим, подъемная сила.

Вот-те раз! Не иначе решил соорудить ракету-носитель из огнетушителя. А что, он может. И зафитилит старшего брата на... Марс, например.

Алешка все это прочитал в моих глазах.

– Что ты такой нервный? – спросил он. – Я тебе все объясню. Помнишь, Дим, нам Бонифаций рассказывал, как в древности один русский мужик первый в мире воздушный шар сделал? По фамилии Кря... Кре... Крю... Помнишь?

– Крякутной, – вспомнил и я. И тут же решил в целях личной безопасности срочно заболеть какой-нибудь ветрянкой.

– Я, конечно, Дим, всю эту историю забыл. А сейчас вдруг очень кстати случайно вспомнил.

Вдруг! Случайно! Кстати! И надо было нашему учителю Бонифацию разглашать столь опасный исторический факт. Он нам еще и выписку из летописи показывал. А у Алешки память, как у компьютера. И он тут же процитировал мне тот отрывок. Перебирая немножко, конечно:

– «...В лето, не помню какого года, подъячий Крякутной сделал пузырь, как мяч большой. Надул его дымом поганым и вонючим, привязал под пузырем скамейку, сел на нее важно, и нечистая сила подняла его выше березы...» Здорово, Дим?

– Здорово, – согласился я. – А ты не помнишь, что там дальше было написано?

– Не-а! А что?

– Дальше этого Крякутного хряпнуло о колокольню. И он еле с нее спустился по веревке от колокола. А когда спустился, то его тут же, возле колокольни, нещадно выпороли. Приговаривая: «Не летай, дурачина, пешком ходи!»

– Во дикари люди были! – возмутился Алешка. – Но ты, Дим, не бойся. Во-первых, тут никакой колокольни нет, одни колючки, об них не хряснешься. А во-вторых, кто тебя пороть-то будет? Я не буду, папа далеко, Арчил уехал.

Спасибо и на том. Об колокольню меня не хряпнет, так на колючки насадит. Как жука на булавку. Правда, выпороть некому. Заманчиво.

– Зато, Дим, ты туда залезешь и все потом мне расскажешь. Так, да?

Так, да. Правильно сказал.

Но вообще-то я не очень волновался. Сделать шар, «как мяч большой», нам все равно не из чего. И «дыма поганого и вонючего» у нас нет.

Однако я жестоко ошибался. Алешка уже все продумал. И пока я, как говорится, репу чесал, он опять исчез. Правда, тут же появился снова. С рулоном папиросной бумаги. В сакле спер. Из этой бумаги Арчил нарезал нужного размера листы и засушивал между ними образцы всякой дикой флоры. Трогательно так лазил в горы и собирал там цветочки. Он этим увлекся, когда мы ему рассказали, как сделали и подарили маме картину из высушенных осенних листьев.

– Вах! Как красиво! Невесте подарю. Тамара называется.

Правда, его лирическое занятие по сбору цветочков успешно сочеталось со стрельбой из арбалета. По диким птичкам вроде домашних курочек: «Очень вкусный добыча. Так, да».

– Во, Дим! – Алешка аж приплясывал от восторга. – Нам этого лурона на два шара хватит!

– Рулона, – машинально поправил я, а сам с грустью и тревогой подумал, что Лешку теперь не остановить. Если он что решил, то будет переть к цели, как танк. Маленький, но упорный.

– Очень просто, Дим! – резвился Алешка на фоне моей грусти. – Нарежем вот такие «дольки», склеим их в шар, привяжем внизу для тебя удобную скамеечку и – вперед! То есть, вверх! Здорово? Класс? Клево?

– А чем клеить? – попытался я его немного притормозить. – Манной кашей?

– Киселем! Помнишь, когда мы дома ремонт делали, нам обойного клея не хватило? И мама из крахмала сварила этот... как его... клексер!

– Клейстер, – снова машинально поправил я. – А где мы крахмал возьмем?

– Где, где? Все там же, у Арчила.

– Мы его разорим.

– Ничего, – успокоил меня Алешка. – Наверху наверняка какой-нибудь клад есть. Мы с ним поделимся. Или купим ему мешок крахмала.

Как все у него просто! Все под рукой. И воздушный шар, и крахмал. И клад.

– Давай, Дим, быстренько этот пузырь сляпаем, пока Арчила нет. Дымом как надует! Как ты взлетишь! Как этот... Крякутин...

– Крякутной, – опять поправил я. И вздохнул.

Ну и началось!

Мы отнесли «лурон» папиросной бумаги в бунгало, размотали его на полу во всю комнату (мебель, конечно, вынесли на веранду) и раскроили, как Алешка сказал, на дольки. Разыскали в сакле крахмал, заварили клейстер. Кисти у нас не было. Стащили опять у Арчила – кисточку для бритья.

– Все равно он не бреется, – сказал Алешка, – с усами ходит.

Меня, честно говоря, тоже увлекла работа. Не скажу, конечно, что я и в самом деле соби-рался летать на этом папиросном сооружении, но сам процесс его создания меня увлек. Не зря же говорят, что препятствия усиливают желание их преодолеть.

Долго ли, коротко ли, но вскоре склеенные в гармошку дольки лежали на полу. Мы вытащили эту стопку – довольно массивную, кстати, – из дома и уложили возле колючей стены зарослей.

Я посмотрел вверх и сказал:

– Ничего не выйдет, Лех. Коснется наш пузырь хоть одной колючки – и все, улетучится наш «поганый и вонючий дым». И хряпнусь я с этой высоты, как подбитая птица.

– Ну, – протянул Алешка, – не такая уж тут высота, всего этажей десять. – Успокоил. – Да и не успеешь ты хряпнуться.

– Раньше от страха помру?

– Ну что ты, Дим, ты такой смелый! – нахально польстил мне Алешка. – Теплый дым через дырки будет выходить медленно и плавно. И ты тоже.

– Что тоже? – насторожился я.

– Ты тоже медленно и плавно опустишься на землю. А я тебя встречу как героя. Клево?

Но я уже здорово осмелел. Потому что понял: полет не состоится – к бумажному пузырю никак не привяжешь скамейку. Не гвоздями же ее прибивать? Я так и сказал Алешке. И добавил:

– Пошли обедать.

– Успеем. Тебе бы все есть... – И он еще больше огорчил меня: – А как скамейку подве-сить, я уже знаю. Как на настоящем шаре, вот!

– Так там же плетеная сетка из веревок.

– И мы такую же сделаем.

Вот тут я совершенно успокоился. Во-первых, у нас нет веревок, а во-вторых, пока мы сплетем эту самую сеть, каникулы наши благополучно кончатся и мы будем сидеть в своей родной школе без бумажных пузырей. И пусть нам заливают там про всякие горизонты!

Но я опять ошибся, недооценил своего братика.

– Ничего плести не будем, Дим! – гордо объявил он. – Готовую возьмем.

– Где? – я даже глаза вытаращил.

– Все там же, – спокойно сказал Алешка. – В сакле, у Арчила.

Не слабо! Что ж за сакля такая? Прямо волшебный магазин.

– Дим, там в углу, лежит рыбацкая сетка, из тонких лесок. Самое то!

Я чуть не заплакал.

– А что? – Алешка пожал плечами. – Он все равно рыбу не ловит, одними шашлыками питается.

Бедный Арчил! А если бы Алешка космический корабль задумал построить? От бедной сакли вообще ни камушка не осталось бы. Даже дров. Алешка все в дело пустил бы. Сконструировал бы ракету-носитель с паровым двигателем.

Так, идея с обедом не прошла. Следующая попытка.

– Давно мы что-то не рыбачили... – мечтательно произнес я.

– Успеем. Сначала сделаем шар.

– Искупаться бы... Мы с тобой все в клею перемазались.

– Не умрем. Шар доделаем, тогда и помоемся.

– Я есть хочу! – заорал я.

– Ты всегда есть хочешь, – спокойно ответил Алешка. – Вот наш шар сделаем...

– Хочешь, чтоб я похудел, да? – догадался я. – Боишься, что меня шар не поднимет?

Пока мы его доделаем, я с голоду умру.

– На! Не умирай! – сказал Алешка и протянул мне яблоко. – А вообще-то тебе диета не помешает.

Видали вы таких вредных?

– Да ладно, Дим, – примирительно сказал Алешка. – Я ж для тебя стараюсь. – Я изумленно на него вытаращился. Вот это новость! – Ты же меня на шаре не отпустишь, так, да? Правильно сказал? Значит, ты первым увидишь, что там творится. Какие там ужасные тайны...

– Больно надо, – сознался я.

Алешка помолчал и вдруг очень серьезно и задумчиво произнес:

– Знаешь, Дим, я думаю, мы там совсем не то увидим. Эти черные монахи... они, Дим, я думаю, вовсе не черепа там прячут.

– Золото-брильянты? – усмехнулся я.

– Посмотрим, – уклонился Алешка от ответа. – Недолго осталось.

Я вздохнул, и мы снова взялись за работу. Юные воздухоплаватели...

Короче говоря, к вечеру наш пузырь был готов. Мы даже приспособили для получения «воночного дыма» (то есть теплого воздуха) старую садовую печку, в которой Арчил сжигал сухие листья и всякий мусор. И рыболовная сеть очень подошла – она была легкая, сплетенная из тонких нейлоновых нитей, а по краям у нее болтались грузила – легкие алюминиевые кольца. Словом, то, что надо. Алешка, видимо, сочувствуя мне, как будущему герою, предложил даже привязать к шару не простую скамейку-дошечку, а одно из кресел.

– Тебе будет удобно, Дим. Я тебе так завидую. Ты только не гордись и очень высоко не залетай.

Стоп! А ведь об этом мы и не подумали вовсе. Что если шар не остановится, как любопытный, напротив окон, а как любознательный, поднимется намного выше? И что я там буду

делать? Особенно, если меня понесет к морю. Унесет за сто морских миль, и как я буду добираться обратно? Верхом на дельфине?

– Это ерунда, Дим...

– Это тебе ерунда...

– Веревку привяжем, я ее держать буду.

– Ага! – напугал его я. – Представляешь, летят сюда на самолете папа с мамой и вдруг как все пассажиры заорут!..

– Чего это они заорут? – искренне удивился Алешка.

– Два раза заорут. Первый раз от интереса: «НЛО летит!» А второй раз от страха: «Там чьи-то дети болтаются! Оболенские, это не ваши сыновья?»

У Алешки заблестели глаза. Я думал, от жалости к нашим бедным родителям. И добавил:

– И вот они видят, как по небу летит бумажный пузырь, под ним сидит в кресле бледный Дима, а еще ниже болтается, вцепившись в веревку, бледный Алешка. Клево!

Алешка прибалдел.

– Так, да! Очень правильно сказал! Совсем как Арчил. – Глаза у него блестели вовсе не от непролитых слез жалости, а от восторга.

Я все-таки, наверное, сброшу этот пузырь в колодец.

– Дим, у тебя чернила есть?

– Откуда? Шариковая ручка есть.

– В сакле есть, – и он снова побежал за добычей. Только вот зачем ему чернила? Я крикнул ему об этом вслед.

– Каждый корабль, Дим, – ответил он загадочно, – даже воздушный, должен иметь название.

Господи, а ведь наша мама думала, что вторым ребенком у нее будет дочка. Сидела бы сейчас рядом со мной какая-нибудь Аленка на берегу и лепила бы из морского песка куличики... Так нет, наградили меня братцем, и подавай ему покорение воздушного океана на корабле с названием.

Впрочем, если подумать, кого другого, а не брата Лешку, мне не нужно. Мне он сильно по душе. Клевый парень. Запустит он меня завтра под облака, будет бежать следом, задрав голову и спотыкаясь, и орать изо всех сил:

– Дим! Класс! Клево! Только на море не садись – шар размокнет, жалко!

Глава V «И КУДА ЖЕ Я ЛЕЧУ?»

Я плохо спал ночь накануне полета. Мне снились всякие кошмары. Вроде того, будто я лечу над горами на бумажном пузыре, довольный и счастливый. А тут подлетает ко мне крылатый козел-архар и бац в шар рогом. В нем – дырка, воздух шипит, я падаю. Задним местом в самый колючий куст. А когда вылезая из него, рядом хохочет Алешка: «Дим, ты на дикобраза чем-то похож!». «Чем же?» – думаю я и с этой мыслью просыпаюсь. И так десять раз за ночь, в разных вариантах, но с одинаковым результатом.

... В комнате уже светло. Легкий утренний ветерок слегка колышет занавески. Где-то кричат чайки. И что-то колет в попу.

– Это я тебе две колючки подложил, – входит Алешка, – чтобы ты не проспал.

Спасибо, родной.

Алешка ставит на подоконник Арчилову кисточку для бритья и полупустой уже пузырек с чернилами.

– Название писал, – объяснил Алешка. – Не очень ровно получилось. Ты готов?

– Очень готов. Так, да. Только есть хочется.

– Тебе нельзя.

– На что ты намекаешь? – обиделся я. – Я не боюсь.

Алешка засмеялся. И объяснил:

– Лишние килограммы, Дим. А ты что подумал?

Что я подумал – мое дело.

– И чего ты штаны надел, Дим?

– Я без штанов не полечу.

– Лишний вес, Дим.

Я послушно разделся, оставшись в одних плавках. И надеясь, что полет все-таки не состоится.

Мы вышли из бунгало. Утро было великолепное. Солнце светило в небе и сверкало своими лучами на поверхности моря. Горизонт был на месте.

Мы быстренько искупались и пошли к месту старта. Наш великий бумажный шар лежал на земле бесформенной кучей. Кое-где на нем виднелись корявые кривые буквы – название воздушного корабля, разобрать которое пока было невозможно. Здесь же лежала расправленная сеть и стояло парусиновое кресло.

На печку мы нахлобучили обрезок водосточной трубы, которую нашли за саклей, где хозяйственный Арчил складывал всякий хлам.

Рядом с креслом валялся моток веревки, один конец ее был привязан к кольцу колодца. Я забыл сказать, что в камни, ограждающие колодец, были вделаны два стальных как бы уха. Может, в них когда-нибудь в старину вставлялся ворот для подъема ведра с водой, может, они были еще для чего, но издали колодец с этими скобами здорово походил на бадейку-ушат.

– Крепко привязал? – спросил я Алешку.

– Двойным морским узлом, Дим. Не отвяжется. – На лице его не было ни тени волнения, только жгучий интерес: «как щас Дима полетит и что он там увидит».

– Растапливай печку, Дим, – скомандовал Алешка.

– А дрова где?

Он ни секунды не задумался:

– У Арчила возьмем. У него много.

Бедный Арчил.

Мы натаскали дров, я стал растапливать печь, а Лешка забрался на ореховое дерево, перекинул через него тонкую бечевку.

– А это еще зачем?

– Щас увидишь.

Он, как всегда, шустрой обезьянкой соскользнул вниз, обвязал бечевкой верхушку шара и подтянул его вверх. Шар корявой колбасой повис под деревом. А его нижняя горловина оказалась прямо над дыркой дымовой трубы. Соображает парень!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.